

Культурные модусы студенческой молодёжи и их влияние на формирование жизненных планов

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-28-54

Головчин Максим Александрович – канд. экон. наук, экономист Вологодского областного информационно-аналитического центра культуры, ORCID: 0000-0002-7813-5170, SPIN-код: 7613-5995, mag82@mail.ru

Казенное учреждение Вологодской области «Вологодский областной информационно-аналитический центр культуры», Вологда, Россия

Адрес: 160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, 10

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении культурных модусов, которые в настоящее время наиболее активно оказывают влияние на духовную жизнь и мировоззрение представителей молодого поколения, особенно в аспекте формирования ими планов на будущее. На основе подходов Г. Хофстеде и А.А. Аузана к культуре была предложена методика исследования культурных модусов как конкретных проявлений жизненных ценностей и практик в духовной жизни общества. Всего в исследовании рассматривается четыре модуса («К», «КИ», «ИК», «И»), которые описывают различные проявления в общественном сознании дистанции власти, гендерной модели принятия решений, приоритета интересов, отношения к неопределённости, а также краткосрочности мобилизации жизненных ресурсов. Нами был предложен алгоритм изучения культурных модусов в рамках социологического исследования, для апробации которого был использован под-массив данных проекта Российского общества социологов «Культурное наследие и связь поколений» (2022 г.).

В исследовании было установлено, что современные студенты обладают разными культурными модусами. Наиболее часто встречаются носители «промежуточных» модусов, что вносит определённый оптимизм в отношении результатов взаимодействия культуры молодёжи и формируемых экономическими институтами социальных порядков (институций). В то же время было выявлено, что модусы оказывают разное влияние на планы опрошенных. В частности, обладатели модуса «ИК» (которые в выборке представлены наиболее массово) меньше остальных проявляют склонность оставаться жить и работать в стране после получения специальности.

Научная новизна исследования состоит в разработке авторского подхода к изучению процессов планирования жизни молодого поколения посредством анализа ряда культурных факторов, а также его апробации. Практическое значение результатов исследования состоит в возможности их использования в рамках стратегического проектирования молодёжной и образовательной политики.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, культура, культурный модус, бинарная оппозиция, семейные планы, миграционные планы, институция

Для цитирования: Головчин М.А. Культурные модусы студенческой молодёжи и их влияние на формирование жизненных планов // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 6. С. 28–54. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-28-54

Cultural Moduses of Students and Their Influence on the Formation of Life Plans

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-28-54

Maksim A. Golovchin – Cand. Sci. (Economics), economist at the Vologda Regional Information and Analytical Center of Culture, ORCID: 0000-0002-7813-5170, SPIN code: 7613-5995, mag82@mail.ru
State institution of the Vologda region "Vologda Regional Information and Analytical Center of Culture", Vologda, Russia

Address: 10 Maria Ulyanova str., Vologda, 160000, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study is to identify cultural modes that currently most actively influence the spiritual life and worldview of representatives of the younger generation, especially in terms of their formation of plans for the future. Based on the approaches of G. Hofstede and A.A. Auzan to culture proposed a methodology for studying cultural moduses as specific manifestations of life values and practices in the spiritual life of society. In total, the study examines four modes (K, CI, IC, I), which describe various manifestations in the public consciousness of power distance, gender model of decision making, priority of interests, attitude to uncertainty, as well as the short-term mobilization of vital resources. We proposed an algorithm for studying cultural moduses within the framework of sociological research, for testing of which we used a subset of data from the project of the Russian Society of Sociologists "Cultural Heritage and the Connection of Generations" (2022).

The study found that modern students have different cultural moduses. The most common are carriers of "intermediate" modus, which brings optimism regarding the interaction of youth culture and social orders (institutions) formed by economic institutions. At the same time, it was revealed that the modes have different effects on the plans of the respondents. In particular, holders of the "IC" modus (who are represented most massively in the sample) after receiving a profession are less likely to remain inclined to live and work in the country.

The scientific novelty of the research lies in the development of the author's approach to the study of the planning process on the part of the younger generation through the analysis of four cultural moduses, as well as its testing. The practical significance of the research results lies in the possibility of their use within the framework of strategic design of youth and educational policies.

Keywords: student youth, culture, cultural modus, binary opposition, family plans, migration plans, institution

Cite as: Golovchin, M.A. (2024). Cultural Moduses of Students and Their Influence on the Formation of Life Plans. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 6, pp. 28–54, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-28-54 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Становление цивилизации обычно рассматривается в рамках взаимодействия традиционной и посттрадиционной культур как двух больших циклов культурогенеза (т. е. процесса появления мировых культур) [1]. Социальная миссия молодого поколения в культурогенезе зачастую связывается с восприятием ряда «современных ценностей» (инновационность, индивидуализм, автономность, минимальная дифференциация социальных ролей, тяга к динамизму, ускорению и т. д.); преобразованием окружающего мира в соответствии с этими ценностями; реализацией роли посредника в формировании нового ряда ценностных детерминант [2]. Эти явления в свою очередь связаны с распространением модели потребительского отношения к продуктам мировой цивилизации (что в целом характерно для рыночной экономики).

Вместе с тем в науке пока нет чёткого понимания, каким именно в культурном плане выглядит молодое поколение, проживающее на территории Российской Федерации. Иногда имеющиеся обобщения выглядят весьма противоречиво. Одним учёным хочется видеть, что в сознании молодёжи пока не происходит окончательного отторжения традиционных культурно-исторических ценностей, что, в частности, находит своё отражение в положительном восприятии важности для жизни труда и карьеры [3]. Ими в особенности подчёркивается потенциальная готовность к сохранению традиций со стороны сельской молодёжи [4]. Другие исследователи отмечают проявление в молодёжной среде отличительного ряда жизненных приоритетов, который не укладывается в понимание традиций. Например, А.В. Рожкова пишет о процессе усиления среди современных российских студентов индивидуальных ценностей и снижении коллективизма [5]. А.И. Яшина считает важной тенденцией про-

явление большего оптимизма в студенческой среде [6]. Г.К. Касенова полагает, что не последнее место в характере представителей рассматриваемой группы занимает настойчивость, упорство, умение «идти напролом», желание всегда двигаться в направлении достижения своей цели, что не является отличительными чертами предыдущих поколений [7]. Однако как такового ответа на вопросы, что характеризует культурное пространство молодёжи (традиции или новации, одномерность или многомерность), какие детерминанты определяют это пространство, наука так и не сформулировала. Причина этого отчасти связана с тем, что к культуре молодёжи подходят с позиций разных научных школ и парадигм. Из-за этого в общественном сознании формируются противоречивые стереотипы и мифы о жизнедеятельности молодого населения: молодые поголовно страдают от «пагубных привычек», в том числе зависимости от Интернета (так, по данным ВЦИОМ, считает 75% россиян в возрасте 35 лет и старше), компьютерных игр (78%), алкоголя и наркотиков (63%); люди этого возраста слабовольны и безынициативны (56%)¹. Всё это наводит на мысль о необходимости выработки нового взгляда на анализ культурной идентичности молодёжи. Именно поэтому в нашем исследовании мы останавливаемся на научном подходе к оценке культуры, сформированной в молодёжной среде, за счёт развития теории культурного модуса.

С другой стороны, в сфере жизненной активности молодёжи всё чаще находят своё место проявления, которые имеют ярко выраженный «культурный багаж». В частности, на жизненную активность молодёжи оказывают своё влияние миграционные настроения. Одной из главных задач присоединения к Болонскому процессу было признание российских дипломов за рубежом, стремление к которому, по словам А.В.

¹ ВЦИОМ: пять мифов о современной молодёжи // Янгспейс. URL: <https://youngspace.ru/faq/vtsiom-pyat-mifov-o-sovremennoj-molodezhi>

Константиновой, привело к асимметричной интернационализации, что выражается в невыгодной для страны интенсивной «утечке мозгов» (массовым перемещением человеческого капитала в процессе миграции) [8]. При этом основную массу квалифицированных эмигрантов из России сейчас составляют именно молодые люди с высшим образованием [9]. По данным ЮНЕСКО, в 2016 г. количество российских студентов, обучающихся за границей, составило 56 тыс. чел. (в 2013 г. – 50 тыс. чел.), а из Европы для обучения в России прибыло менее 2,1 тыс. чел. (в 2013 г. – 1,5 тыс. чел.) [10]. Усиление «утечки мозгов» постепенно приобретает характер проблемы национальной безопасности, главным образом, из-за прагматичного отношения молодёжи к своим жизненным перспективам, в рамках которого в качестве «особой ценности» рассматриваются комфортные условия существования [11]. Также неоднозначными явлениями характеризуется активность молодёжи в брачно-семейной сфере: снижение ценности формирования семейных отношений в пользу одиночества (синглизация) [12], психологическая неготовность к браку [13], откладывание вступления в брачные отношения в связи с нестабильным финансовым положением и профессиональным статусом, добровольный отказ от супружеского брака в пользу партнёрских отношений и от деторождения в пользу бездетности, ослабление влияния старшего поколения на микроклимат в молодой семье [14] и т. д. В целом, по данным переписей населения, в 2020 г. 71% молодых россиян не имели опыта супружеских отношений (в 2010 г. – 58%) [15]. Кризис традиционной семьи, по мнению экспертов, во многом связан с культурологическими причинами: в сознании нового поколения осмысление брака перестаёт нести эмоциональную окраску и воспринимается исключительно с позиций рационального подхода [16].

С нашей точки зрения, все перечисленные явления напрямую связаны с изменениями

в духовной жизни молодого населения. Однако в формировании глубокого понимания этих процессов учёные пока недостаточно апеллируют к культурологическим объяснениям, отдавая приоритет причинам, которые лежат на поверхности (недостаточная доступность социальных благ, бездуховность, безнравственность, жадность молодого поколения россиян и т. д.) [17]. Пока не предложено чёткого обоснования, какие идеи, мировоззрение, культурные образцы способствуют проектированию молодёжью построения семьи, карьеры и миграционных планов. Поэтому сейчас как никогда актуальна выработка чёткого взгляда на то, кем в культурном плане является молодёжь и как культура этой общности влияет на процессы жизненного планирования.

В связи с этим в качестве цели исследования мы рассматриваем выявление культурных модусов, которые в настоящее время наиболее активно оказывают влияние на духовную жизнь молодого поколения. Однако мы не считаем самоцелью просто определить, к какому типу культуры относится тот или иной представитель молодёжи. В исследовании мы считаем важным выяснить, как принадлежность к модусам влияет на процесс формирования планов на будущее в студенческой среде. В рамках исследования был предложен подход к выявлению культурных модусов и алгоритм их оценки; определён круг носителей этих модусов в группе студенческой молодёжи, а также их социальные характеристики; выявлены жизненные планы по формированию семьи и миграционной активности среди носителей разных модусов.

В исследовании в качестве гипотезы мы рассматриваем предположение о том, что культурные модусы оказывают влияние на формирование семейных и миграционных планов у представителей студенческой молодёжи. Для нас интерес к этим сферам жизни связан с тем, что объяснение явлений, происходящих именно в них («утечка мозгов», снижение ценности брачно-семейных

отношений и т. д.), напрямую, а не косвенно, связано с культурой населения.

Теория и методология исследования

В исследовании мы рассматриваем научную категорию «культурный модус». Данное понятие было введено в науку в XVII в. Б. Спинозой, который рассматривал его в весьма широком смысле – как универсальное (родовое) качество культуры, которое зависит от внешних причин [18]. В XX в. Э. Фромм выдвинул предположение, что человеческое общество существует исключительно в аспекте двух культурных модусов – «Быть» и «Обладать» [19].

В современной науке дефиниция «культурный модус» предусматривает совершенно разные по содержанию подходы (Табл. 1). С точки зрения представителей антропологического подхода (Н.Н. Повелко, В.А. Конев), культурные модусы транслируют индивидуальное отношение человека к культуре («человеческое измерение культуры»). Социальный подход (Э. Фромм, Г.А. Балл) рассматривает модусы как специфическую форму существования общества. Представители феноменологического подхода (Н.Б. Шипулина, В.В. Баркова, У.В. Сидорова) считают, что модусы проявляются на уровне важных для национальной культуры объектов: зданий, сооружений, скульптур, книг, артефактов и т. д. Приверженцы процессного подхода (С.В. Хоружая и др.) полагают, что культурные модусы находят своё проявление в различных организационных процессах, которые характеризуют современный этап развития цивилизации (в том числе экономических, политических, информационных и научных).

В то же время обычно учёные изучают культурные модусы вне контекста природы феномена культуры. Исключениями из этого правила являются взгляды И.Г. Сухиной [28] и Г.А. Балла [25]. Они оба отождествляют модусы с отдельными структурными компонентами культуры – духовными и материальными благами и ценностями. Однако

сведение мира культуры исключительно к ценностям является несколько утрированным. В частности, Г. Хофстеде под культурой населения понимал не только жизненные ценности, но и культурные практики, проявляющиеся в ежедневной деятельности (рутины, ритуалы) [29]. Вслед за ним под культурой в исследовании мы будем понимать совокупность ценностей и практик, которые отличают индивидов, чья личность формировалась под действием одних и тех же институтов (формальных и неформальных правил) и общественных реалий.

Исходя из этого, для нас культурные модусы – это *конкретные проявления жизненных ценностей и практик в духовной жизни общества, сформированные в определённой культурной среде*. Мы поддерживаем мнение представителей антропологического подхода о том, что носителями признаков модусов могут быть отдельные личности и социальные группы. Открытым остаётся вопрос, насколько модусы могут оказывать влияние на процесс построения жизненных планов населения.

Постановка вопроса о культурных модусах связана с научным измерением компонентов культуры («распаковкой культуры») [30]. Разные модели культурных измерений в своё время предлагали Р. Игнлхарт, К. Вельцель [31], Н.И. Лапин [32], Г. Хофстеде [29], Э. Мейер [33] и т. д. Например, Г. Хофстеде было предложено четыре показателя культурных различий наций – дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, избегание/принятие неопределённости [29]. Несмотря на авторитетность этой модели, она часто подвергается критике за упрощённое и схематичное отражение феномена культуры [34]. Поэтому другие исследователи пытаются дополнить параметрическую модель Г. Хофстеде новыми измерениями. Так, А.А. Аузан считает, что в неё в качестве компонента необходимо дополнительно включить способность личности к краткосрочной мобилизации жизненных ресурсов в ситуации цейтнота

Научные подходы к категории «культурный модус»

Таблица 1

Table 1

Scientific approaches to the category “cultural mode”

Подход	Автор	Культурный модус – это...	Типы модусов
Антропологический	Н.Н. Повелко	внутренняя позиция, занимаемая тем или иным человеком по отношению к культуре в её высших, символических, интеллектуально-духовных формах	Пассивный (пассивная культурная позиция); Потребительски-развлекательный (потребительская позиция); Активно-воспринимающий (активная культурная позиция); Креативный (творчески-перерабатывающая культурная позиция)
	В.А. Конев	способы формирования направленности действий человека	Культурные представления о «Я», «Мы», «Он», «Ты»
Социальный	Г.А. Балл В.А. Мединцев	компоненты культуры, которые могут использоваться и изменяться обществом как агентом культуры	Всеобщий (общечеловеческий); Особенные (этнический, суперэтнический, субэтнический и т. д.); Индивидуальный (личностный)
	Э. Фромм	форма существования человеческого общества	Модус бытия; Модус обладания
Феноменологический	Н.Б. Шипулина	выражение онтологических свойств культовых объектов	Завершённость–открытость; простота–сложность; подлинность–фальшь; единичность–тиражируемость; новизна–ветхость; присутствие–отсутствие и т. д.
	В.В. Баркова У.В. Сидорова	формы существования феномена культуры в объективно заданной реальности	Культура и общество; Культура и человек; Культура и нормы
Процессный	Н.В. Шарковская	преходящие свойства, средства и способы действия в рамках организационных процессов социально-культурной деятельности	Популяризация функционирования разноразрядных трансграничных культурных потоков; Актуализация реализации основных категорий глобальной этики; Улучшение качества жизнедеятельности граждан; Активизация индивидуализированного отражения фактического отношения личности к объектам культуры и искусства и т. д.
	С. В. Хоружая	формы социокультурной динамики	Деградация; архаизация; кризис смыслов
	С.В. Афанасьев	атрибутивные свойства человеческого бытия	Экономический; управленческий; научный; информационный
	И.Г. Сухина		Семантическая модальность; Материально-предметная модальность

Источники: [19–28].

Sources: [19–28].

(авральности) [35]. Он в своих работах предложил рассматривать культуру в аспекте двух бинарных оппозиций – «К-культуры» и «И-культуры» [36]. «К-культура» основана на высокой дистанции власти (вере в

авторитеты), феминности (женственности, исходя из которой принятие любых решений опирается на эмоции), коллективизме (приоритете интересов группы), интолерантности к неопределённости (страхе перед будущим)

и способности к краткосрочной мобилизации жизненных ресурсов в экстремальных условиях. «И-культура» основана на низкой дистанции власти (игнорировании авторитетов), маскулинности (мужественности, которая в процессе принятия решений проявляется в опоре на разум, логику), индивидуализме (приоритете личных интересов над общественными), терпимости к неопределённости (принятии будущего), а также на неспособности жить и работать в условиях цейтнота. С точки зрения автора концепции, «И-культура» после Второй мировой войны обеспечила успех феномена «американского экономического чуда» в США (50-е годы), а «К-культура» проявила себя в рамках «азиатского экономического чуда» в Китае (90-е годы). В первом случае культура помогла усилить инновационную (патентную) активность, во втором – достичь небывалых экономических результатов на основе дисциплины и трудолюбия [35]. Подобным образом А.А. Аузан на основе идей Г. Хофстеде подчёркивает особую роль культуры в пространстве национальной экономики – она в сознании населения создаёт такие ценности и убеждения, которые либо поддерживают создаваемые в экономике институты (нормы, правила, ориентиры, требования), либо формируют конфликт и сопротивление им, из-за чего институты со временем перестают работать должным образом [35].

Мы считаем, что бинарные оппозиции, предложенные А.А. Аузаном, вполне можно рассматривать в качестве культурных модусов, носителями признаков которых может являться та или иная часть населения. Однако попытка сведения всех проявлений культуры только к двум феноменам безусловно является сильным упрощением. В трактовке А.А. Аузана бинарные оппозиции скорее отражают не черты отдельной личности или группы, а некие отдельные характеристики мировых цивилизаций (условно, «западной» и «восточной» цивилизации) [37]. Культура населения, помимо прочего, вполне может основываться на синтезе разных проявлений

бинарных оппозиций. Поэтому в теоретической модели исследования мы рассматриваем не два, а четыре культурных модуса:

- *универсальные* (цивилизационные) модусы «К» и «И», которые напрямую основаны на признаках бинарных оппозиций, выделенных А.А. Аузаном;

- *переходные* (гибкие) модусы «КИ» и «ИК», которые формируются в процессе синтеза разных признаков бинарных оппозиций, когда носители универсальных модусов со временем начинают пересматривать свои жизненные приоритеты. Модус «КИ» в большей части формируется у носителей «К-культуры» под воздействием «И-культуры», модус «ИК» – у носителей «И-культуры» под воздействия «К-культуры».

Подобный подход является принципиально новым для теории культуры, поэтому показатели, выделяемые ранее учёными для анализа дистанции власти, отношения к неопределённости, коллективизма/индивидуализма, феминности/маскулинности, в этой схеме не могут быть использованы, что предоставляет пространство для научного поиска.

С нашей точки зрения, измерение дистанции власти отражает культурные практики населения как повседневные, рутинные действия, ритуалы, которые люди обычно применяют в ситуации взаимодействия с авторитетами, обладающими большей властью и полномочиями (в частности, родителями, педагогами, начальниками и т. д.) [38]. Все остальные измерения отражают жизненные ценности населения. Согласно теории П. Штомпки, ценности – это ориентиры, к которым люди обычно стремятся; то, что они считают благом лично для себя [39]. П. Бергер и Т. Лукман называли ценности «тем, что человек считает важным и желаемым для своего будущего» [40, с. 501]. То, что члены общества считают отрицательным и неприемлемым, рассматривается ими как антиценности [41]. Так, измерение гендерной модели принятия решений у представителей «К-культуры» основано на ценностях

феминности (наивности, доверчивости), а «И-культуры» – на ценностях маскулинности (критичности, принципиальности). Измерение приоритета интересов у представителей «К-культуры» основано на коллективизме и взаимопомощи, а «И-культуры» – на индивидуализме и эгоизме. Измерение отношения к неопределённости у представителей «К-культуры» основано на фатализме и неуверенности, а у представителей «И-культуры» – на оптимизме и способности к адаптации. Измерение краткосрочности мобилизации жизненных ресурсов у представителей «К-культуры» основано на трудолюбии и упрямстве, а у представителей «И-культуры» – на гибкости и лени.

Мы считаем, что бинарность (двойственность) культуры можно отразить на оси значений от «0» (модус «И») до «1» (модус «К»). Таким образом, ближе к «0» находится пространство модуса «ИК», а ближе к «1» – модуса «КИ». При этом каждое из этих явлений будет по-разному взаимодействовать с экономическими институтами и формируемыми ими социальными порядками (институциями) [42]. В случае распространения в обществе универсальных модусов может проявляться ситуация конфликта: если содержание институций не противоречит признакам культуры, то конфликт не произойдёт; если противоречит – то представитель культуры просто не будет соблюдать социальные порядки, а перспективы экономического развития окажутся под вопросом (в том числе, из-за снижения работоспособности населения и роста трансакционных издержек) [35]. Промежуточные модусы, наоборот, реже создают условия для конфликта с институтами, поскольку их гибкость основана на синтезе совершенно разных культурных образцов. Таким образом, формируется ситуация «культурного манёвра»: установки, которые не вписываются в существующие институты, оперативно компенсируются другими.

Таким образом, в исследовании мы предлагаем авторскую оценочную систему для

измерения универсальных модусов, в которой каждой бинарной оппозиции соответствует тот или иной критерий измерения культуры:

- в отношении *дистанции власти*: «К-культуре» соответствует *высокая* дистанция власти (основана на вере в непогрешимость мнения авторитетов в разных жизненных ситуациях), «И-культуре» – *низкая* дистанция власти (основана на игнорировании мнения авторитетов);

- в отношении *гендерной модели принятия решений*: «К-культуре» соответствует *феминность* (принятие важных решений с опорой на эмоции), «И-культуре» – *маскулинность* (принятие решений с опорой на логику и разум);

- в отношении *приоритета интересов*: «К-культуре» соответствует приоритет интересов *группы* над личными интересами (коллективизм и взаимопомощь), «И-культуре» – приоритет интересов *личности* над общественными интересами (индивидуализм и эгоизм);

- в отношении *формирования мнения о неопределённости*: «К-культуре» соответствует *интолерантность* к неопределённости (отношение к будущему как неизбежности, что порождает страх и неуверенность в собственных силах), «И-культуре» – *толерантность* к неопределённости (отношение к будущему как к жизненной перспективе, к которой можно приспособиться);

- в отношении *мобилизации жизненных ресурсов* в различных условиях: «К-культуре» соответствует способность достигать результата в *экстремальных условиях* (действовать в условиях цейтнота помогает трудолюбие и настойчивость в достижении результата), «И-культуре» – только в *обычных условиях* (действовать в условиях цейтнота мешает лень и отсутствие упорства).

Для каждого критерия в оценочной системе была определена группа измерительных показателей (для баланса каждому критерию назначены по два показателя). Таким

образом, в системе всего учтено 20 показателей. Показатели формировались с опорой на содержание бинарных оппозиций, которое изложено в трудах Г. Хофстеде и А.А. Аузана. Таким образом, в отношении измерения дистанции власти было обращено внимание на рутины и ритуалы, которые используются населением в процессе межличностной коммуникации и выбора профессии; в отношении остальных измерений – на ценности, которые население считает важными в ходе принятия жизненных решений, выбора приоритетов, формирования взглядов на будущее, достижения результатов полезной деятельности (Табл. 2).

В качестве информационной базы были использованы первичные материалы исследовательского проекта «Культурное наследие и связь поколений», который проводился в апреле–мае 2022 года Российским обществом социологов (РОС) в организациях среднего профессионального (СПО) и высшего образования (ВПО). Информационный массив проекта состоит из 12 340 наблюдений, которые включают в себя оценки студентов колледжей и вузов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья, а также преподавателей образовательных организаций. Массив расположен в открытом доступе на официальной странице РОС в сети Интернет².

Поскольку при формировании массива была использована стихийная выборка, то собранные данные недостаточно структурированы. Главным образом в базе представлены мнения студентов из образовательных организаций, расположенных на территории России (98,5%). Они собраны на территории 21 региона РФ, которые отдельно представлены в каждом федеральном округе [43]. Подвыборка преподавателей и иностранных студентов слишком незначительна (1,5%), поэтому по ней сложно делать научные выводы. В этой связи для решения задач

нашего исследования мы использовали подмассив данных, собранных среди студентов российских колледжей и вузов в возрасте от 15 до 35 лет – 11 806 наблюдений (при генеральной совокупности – 4955,8 тыс. чел.). Этот подмассив на 9% состоит из оценок обучающихся СПО, а на 91% – из оценок студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Среди опрошенных 37% мужчин и 63% женщин. Вторичный анализ данных производился в программной среде *SPSS IBM Statistics 22*.

Достаточно проблематично в рамках исследования было определить, как выделенные в оценочной системе показатели отражены в инструментарии, который не был изначально составлен для исследования культурных модусов по авторской методике. В итоге в рамках измерения мы использовали несколько отдельных вопросов анкеты проекта «Культурное наследие и связь поколений». Так, для анализа практик дистанции власти использовались вопросы, касающиеся стереотипов поведения в конкретных жизненных ситуациях: «Укажите, как часто в процессе выстраивания отношения с людьми и выбора профессии Вы используете советы, опыт родных?», а также «Укажите, чьё мнение в этих ситуациях для Вас наиболее авторитетно?». Если в указанных случаях студент часто использует мнение окружающих, то это, исходя из подхода Г. Хофстеде и А.А. Аузана, указывает на образцы «К-культуры»; если для него более авторитетно своё собственное мнение, то это указывает на образцы «И-культуры». Для анализа ценностей, выраженных в гендерной модели принятия решений, выборе групп интересов, взгляде на будущее и краткосрочности мобилизации жизненных ресурсов использовался вопрос анкеты об отношении к различным качествам личности: «Какие качества представителей различных поколений Вы считаете положительными/

² Российское общество социологов. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1883 (дата обращения: 22.05.2024).

Таблица 2

Показатели измерения бинарных оппозиций в исследовании

Table 2

Indicators for measuring binary oppositions in the study

Измерение	К-культура		
	Критерий	Показатель	Индикатор
Дистанция власти	Высокая дистанция	Использование мнения авторитетов в процессе межличностной коммуникации (<i>DV_{k1}</i>)	Я часто использую советы и опыт родных в процессе выстраивая отношений с людьми
		Использование мнения авторитетов в процессе выбора профессии (<i>DV_{k2}</i>)	Я часто использую советы и опыт родных в процессе выбора профессии
Гендерная модель принятия решений	Феминность	Наивность важна в процессе принятия решений (<i>GM_{k1}</i>)	Не считаю наивность отрицательной чертой разных поколений
		Доверчивость важна в процессе принятия решений (<i>GM_{k2}</i>)	Считаю доверчивость положительной чертой разных поколений
Приоритет интересов	Приоритет группы	Коллективизм важен в определении жизненных приоритетов (<i>PR_{k1}</i>)	Коллективизм – это положительная черта разных поколений
		Потребности других важны в определении жизненных приоритетов (<i>PR_{k2}</i>)	Взаимопомощь – это положительная черта разных поколений
Отношение к неопределённости	Интолерантность к будущему	Фаталистическое мироощущение определяет отношения к будущему (<i>OF_{k1}</i>)	Фатализм не является отрицательными чертами разных поколений
		Неуверенность важна в формировании своего отношения к будущему (<i>OF_{k2}</i>)	Неуверенность в себе не является отрицательной чертой разных поколений
Краткосрочность мобилизации жизненных ресурсов	Способность достигать результата в экстремальных условиях	Любовь к труду определяет процесс достижения результатов (<i>KM_{k1}</i>)	Трудолюбие является положительной чертой разных поколений
		Настойчивое стремление к цели определяет процесс достижения результатов (<i>KM_{k2}</i>)	Упрямство, неподатливость не являются отрицательными чертами разных поколений

Продолжение Таблицы 2
Continuation of Table 2

Измерение	И-культура		
	Критерий	Показатель	Индикатор
Дистанция власти	Низкая дистанция	Игнорирование мнения авторитетов в процессе межличностной коммуникации (<i>DVi1</i>)	В процессе выстраивая отношения с людьми для меня авторитетно только моё собственное мнение
		Игнорирование мнения авторитетов в процессе выбора профессии (<i>DVi2</i>)	В процессе выбора профессии для меня авторитетно только моё собственное мнение
Гендерная модель принятия решений	Маскулинность	Критичность (разумность) важна в процессе принятия решений (<i>GMi1</i>)	Считаю критичность положительной чертой разных поколений
		Принципиальность важна в процессе принятия решений (<i>GMi2</i>)	Считаю принципиальность положительной чертой разных поколений
Приоритет интересов	Приоритет личности	Индивидуализм важен в определении жизненных приоритетов (<i>PRi1</i>)	Индивидуализм не является отрицательной чертой разных поколений
		Собственная выгода важна в определении жизненных приоритетов (<i>PRi2</i>)	Эгоизм не является отрицательной чертой разных поколений
Отношение к неопределённости	Толерантность к будущему	Оптимистическое мироощущение определяет отношение к будущему (<i>OFi1</i>)	Оптимизм – положительная черта разных поколений
		Адаптивность (способность подстраиваться под условия) важна в формировании своего отношения к будущему (<i>OFi2</i>)	Способность к адаптации – положительная черта разных поколений
Краткосрочность мобилизации жизненных ресурсов	Способность достигать результата в обычных условиях	В процессе достижения результатов любовь к труду заменяется ленью (<i>KMi1</i>)	Лень не является отрицательной чертой разных поколений
		В процессе достижения результатов настойчивое стремление к цели заменяется гибкостью и непостоянством (<i>KMi2</i>)	Гибкость, непостоянство являются положительными чертами разных поколений

Примечание: критерии и показатели составлены автором на основании идей Г. Хофстеде и А.А. Аузана; в столбике «Индикатор» приведены формулировки анкеты проекта «Культурное наследие и связь поколений».

В таблице заливкой обозначены показатели, которые определяют признаки культурных практик населения, без заливки приведены показатели, которые определяют признаки жизненных ценностей.

Note: the criteria and indicators were compiled by the author based on the ideas of G. Hofstede and A.A. Auzan; the “Indicator” column contains the wording of the questionnaire for the “Cultural Heritage and Connection of Generations” project.

In the table, indicators that determine the characteristics of the cultural practices of the population are indicated by shading; indicators that determine the characteristics of life values are shown without shading.

отрицательными?». Для представителей «К-культуры» в качестве оцениваемых качеств рассматривались наивность, доверчивость, коллективизм, взаимопомощь, фатализм, неуверенность, трудолюбие, упрямство, неподатливость. Для представителей «И-культуры» – критичность, принципиальность, индивидуализм, эгоизм, оптимизм, адаптивность, лень, непостоянство. С нашей точки зрения, выбор этих особенностей личности в качестве одобряемых черт поколений наглядно демонстрирует тот набор ценностей, который для студентов являются на самом деле важным и желаемым; то, что они воспринимают в качестве жизненного блага.

В исследовании мы предлагаем пошаговый алгоритм определения в рамках социологических замеров принадлежности населения к культурным модусам, который состоит из ряда операций.

1. Создание метрики в соответствии с моделью исследования.

2. Определение принадлежности каждого наблюдения к отдельным признакам бинарных оппозиций. Каждый отдельный ответ студента на выбранные вопросы анкеты указывает на наличие/отсутствие признаков одного из универсальных модусов («К» или «И»), но не признаков обоих модусов. В том случае, если ответ студента соответствует признакам «К-культуры», то наблюдению присваивается значение «1», «И-культуры» – «0». Если наблюдение не соответствует искомому признаку, значение не присваивается. В итоге в соответствии с каждым ответом респондента выстраивается ряд единиц либо ряд нулей. Поскольку количество индикаторов, отвечающих за оценку разных модусов в оценочной системе сбалансировано, то количество рядов единиц и нулей должно быть равным. Всего в информационном массиве выстраивается 20 рядов значений (10 рядов единиц и 10 рядов нулей).

3. Значения признаков, принадлежащих отдельным измерениям культуры, объединяются между собой в субиндексы путём

вычисления средних показателей. Таким образом, для каждого наблюдения рассчитывается по пять субиндексов от 0 до 1. Если субиндекс соответствует «1», то это говорит о том, что соответствующее измерение полностью отражает черты «К-культуры»; если «0» – черты «И-культуры».

4. Определение итогового индекса культуры на основании расчёта среднего значения по всем субиндексам без исключения. Рассчитывается один итоговый индекс для каждого наблюдения по формуле:

$$I_n = \frac{DV_n + GM_n + PI_n + ON_n + KM_n}{5}, \quad (1)$$

где DV_n – субиндекс дистанции власти; GM_n – субиндекс гендерной модели принятия решений; PI_n – субиндекс приоритета интересов; ON_n – субиндекс отношения к неопределённости; KM_n – субиндекс краткосрочности мобилизации.

5. С помощью применения кластеризации числового ряда индексных значений методом k -средних отдельно для каждого наблюдения определяется один из четырёх модусов в зависимости от положения в ранжированном списке. Если значения итогового индекса располагаются ближе к «1», то это указывает на модусы «К» и «КИ», если ближе к «0» – на модусы «ИК» и «И».

Результаты исследования

В результате апробации авторского алгоритма все наблюдения были объединены в четыре группы с различным интервалом значений итогового индекса культуры: модус «К» ($I_n \geq 0,67$); модус «КИ» ($I_n = 0,53-0,66$); модус «ИК» ($I_n = 0,40-0,52$); модус «И» ($I_n \leq 0,40$). Одно наблюдение в структуре подмассива было исключено из дальнейшего анализа, поскольку оно не обладает ни одним из искомым признакам.

На материалах исследования мы можем сделать вывод, что культура современной студенческой молодёжи определяется влиянием разнообразных ценностей и практик (Рис. 1). Вместе с тем ей в большей мере свой-

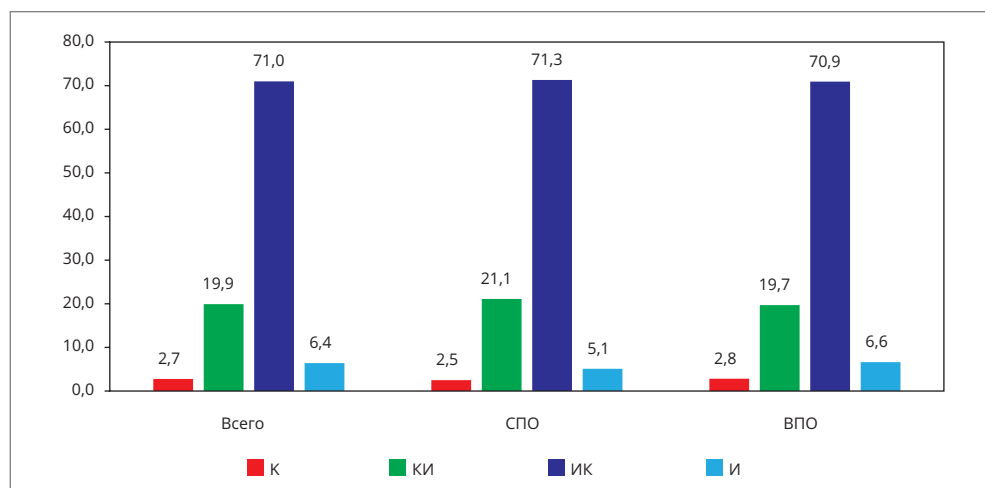

Рис 1. Культурные модусы студенческой молодёжи в исследовании (в % от числа опрошенных)

Fig 1. Cultural modes of student youth in the study (% of the number of respondents)

Источник: здесь и далее представлены материалы вторичного анализа, произведённого автором по подмассиву данных социологического проекта «Культурное наследие поколений» (2022, Российское общество социологов).

Source: hereinafter the materials of the secondary analysis carried out by the author on a subset of data from the sociological project “Cultural Heritage of Generations” (2022, Russian Society of Sociologists).

ственные переходные модусы, стремящиеся в сторону «ИК-культуры» (71%). Подобные характеристики в одинаковой мере проявляются среди: студентов, обучающихся по разным образовательным программам (СПО, ВПО), а также среди населения, проживающего в разных регионах. При этом влияние универсальных культурных модусов на студентов является минимальным («К» – 3%, «И» – 6%), что скорее говорит о гибкости изучаемой социальной группы, отсутствии у молодых склонности к радикальным образцам поведения.

Представители студенческой молодёжи являются носителями разных признаков культурных модусов. В аспекте дистанции власти, отношения к неопределённости и гендерной модели принятия решений они больше склоняются к признакам «И-культуры». Так, опрошенные намного чаще ориентируются в процессе выстраивания отношения с людьми (85%) и выбора профессии (84%) на своё собственное мнение, а не на советы

окружающих. Они также зачастую считают наиболее ценными в жизни проявления критичности (80%) и принципиальности (82%), а также оптимизма (83%) и адаптивности (85%). Однако в отношении краткосрочности мобилизации жизненных ресурсов молодёжь всё же больше проявляет склонность к образцам «К-культуры» – трудолюбию (87%) и упрямству (96%) в достижении своей цели. Самым неоднозначным измерением является приоритет интересов. С одной стороны, студенты считают правильным подчиняться интересам коллектива (88% из них оценивают взаимопомощь как положительную черту); с другой стороны – они также часто указывают на то, что индивидуализм является положительной чертой разных поколений (97%). Таким образом, можно сделать вывод, что духовная жизнь молодёжи формируется в рамках воздействия как межпоколенческих традиций, так и современных веяний (при этом новации всё же оказывают на них большее воздействие). Это, в

частности, говорит о влиянии на изучаемую социальную группу процессов «посттрадицирования», т. е. активного замещения традиций ценностными образцами «новой культуры» [34].

В исследовании мы выделили социальные детерминанты, которые: а) характерны для носителей признаков всех модусов без исключения; б) которые являются «маркерами» для конкретных культурных модусов (Табл. 3).

В первой группе представлены такие характеристики как возраст студентов, форма обучения в колледже/вузе, наличие платы за обучение, бытовые условия проживания. Ко второй группе относятся гендерная принадлежность (мужчины чаще выступают в качестве носителей черт «К-культуры», чем женщины), место проживания (городское население чаще является носителями признаков «И-культуры», чем сельское), наличие детей (те, у кого есть дети, чаще являются носителями черт «К-культуры», чем те, у кого их нет), религиозность (верующие люди чаще являются представителями «К-культуры»). Особое внимание, с нашей точки зрения, стоит уделить взаимосвязи отдельных культурных модусов и экономических возможностей студенческой молодёжи. Среди тех, кому денег на жизнь не хватает, больше тех, кто придерживается образцов модуса «К» (18%), нежели модуса «И» (9%). В противоположной группе, наоборот, заметен уклон в «И-культуру». Таким образом, можно сказать, что самостоятельности, гибкости и индивидуализму сопутствует наличие дохода; финансовые проблемы порождают зависимость от авторитетов и коллектива, а также страх будущего.

Помимо прочего, для носителей всех культурных модусов характерно стремление к сохранению традиций – семейных, религиозных и т. д. Однако это явление не является исключительным. Чаще к сохранению традиций стремятся представители модусов «К» и «КИ» (особенно это касается семейных традиций); реже – представители модусов «И»

и «ИК». Однако критических отклонений по важным вопросам равенства мужчин и женщин, главенства старших в роду между оценками носителей разных культурных признаков нет.

Воздействие на студенческую молодёжь тех или иных культурных модусов невозможно прямолинейно оценивать в категориях «белое/чёрное», «хорошо/плохо». Большой интерес представляет характер их влияния на процесс построения планов на будущее. Студенчество имеет промежуточный статус, определяемый образовательной и психологической готовностью к выполнению особых форм общественной активности, а также высоких профессиональных и социальных ролей в материальном и духовном производстве [44]. В этой связи в исследовании мы отдельно рассматриваем планы студентов по созданию семьи (семейное планирование), а также проявление миграционной мобильности (миграционные планы).

Согласно данным опроса, студенческая молодёжь весьма склонна к формированию планов в отношении построения семейных отношений. Уже будучи студентами, большинство респондентов может сказать, с кем именно они хотели бы создать семью (Табл. 4). Приоритет чаще отдаётся людям с определённой национальностью (39%), возрастом (27%), материальным достатком (24%), уровнем образования (22%) и вероисповеданием (17%). Только для 4% в этом процессе характеристики будущих партнёров важными не являются. Среди них больше всего представителей модусов «И» (6%) и «ИК» (5%).

Представители «К-культуры» склонны более тщательно обдумывать свой выбор в направлении создания семьи. Для них характерен поиск партнёров, являющихся представителями той же, что и они, национальности (48%) и вероисповедования (22%). Для носителей модуса «КИ» также характерно желание сформировать семейные отношения с человеком такого же, что и они, возраста (28%) и материального достатка (24%).

Таблица 3

Социальные характеристики носителей признаков отдельных культурных модусов
(в % от числа опрошенных)

Table 3

Social characteristics of carriers of individual characteristics cultural modes
(% of the number of respondents)

Характеристика	Культурный модус			
	К	КИ	ИК	И
<i>Пол</i>				
Мужчина	40,3	41,5	36,0	34,5
Женщина	59,7	58,5	64,0	65,5
<i>Возраст</i>				
младше 18 лет	9,2	9,1	10,4	10,4
18-25 лет	88,0	89,2	87,7	87,8
старше 25 лет	2,8	1,7	2,0	1,8
<i>Место проживания</i>				
Городская местность	83,1	86,9	87,8	90,6
Сельская местность	16,9	13,1	12,2	9,4
<i>Форма обучения</i>				
Очная	95,1	95,2	95,2	95,6
Заочная	3,7	2,9	2,9	2,5
Очно-заочная	1,2	1,9	1,9	1,9
<i>Условия проживания</i>				
В своей квартире	12,3	10,3	11,2	11,6
В своей комнате (подселение, с соседями)	3,1	1,7	1,7	2,1
На съёмной квартире	18,2	18,5	19,2	18,5
С родителями, семьёй	37,5	41,7	41,5	45,1
В общежитии	28,9	27,8	26,4	22,6
<i>Наличие детей</i>				
Да	4,3	3,8	3,2	1,1
Нет	95,7	96,2	96,8	98,9
<i>Оплата обучения</i>				
Обучаюсь бесплатно	76,9	74,3	71,1	74,3
Обучаюсь платно	23,1	25,7	28,9	25,7
<i>Экономическое положение семьи</i>				
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, машину, дачу и многое другое	7,7	8,5	8,0	7,7
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	51,4	52,2	55,4	49,3
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	22,5	26,8	27,1	34,1
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьёзные затруднения	8,9	6,7	7,1	7,5
Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты	9,5	5,9	2,4	1,3
<i>Отношение к религии</i>				
Верующий	60,3	59,4	48,9	35,8
Неверующий	15,6	14,4	20,2	27,7
Не определился	24,1	26,2	30,9	36,5

Таблица 4

Планы по созданию семьи среди представителей студенческой молодёжи с признаками разных культурных модусов (в % от числа опрошенных)

Table 4

Plans to create a family among student youth with characteristics of different cultural modes (% of the number of respondents)

Вариант ответа	Всего в исследовании	Культурный модус			
		К	КИ	ИК	И
Хочу создать семью с...					
С представителем своей национальности	39,3	48,3	46,2	38,2	26,2
С человеком одного со мной возраста	27,4	23,4	28,2	27,2	27,9
С человеком близкого/равного материального достатка	23,7	17,5	24,4	23,8	22,0
С человеком, имеющим образование такого же уровня, что и у меня	22,1	19,4	19,7	22,4	27,4
С представителем того же вероисповедания, что и я	17,4	21,5	19,4	16,8	15,2
Не имеет значения с кем	4,4	1,8	3,2	4,7	6,0
С любимым человеком	2,8	2,2	2,1	3,0	2,9
С человеком, разделяющим мои взгляды на жизнь	2,7	0,9	1,7	2,9	5,2
Отсутствие планов по созданию семьи					
Не планирую создавать семью	1,0	0,3	0,6	1,0	1,6
Затрудняюсь ответить	0,4	0,3	0,4	0,4	0,8

Примечание: на данный вопрос опрошенные могли предоставить несколько вариантов ответов.

Note: respondents could provide several answers to this question.

Представители модусов «И» и «ИК» чаще остальных делают выбор исходя из равного уровня образования со своим партнёром. В целом для них более характерно желание, чтобы с человеком, с которым будет формироваться семья, не было противоположных взглядов на жизнь.

Лишь у незначительной доли опрошенных нет конкретных планов по созданию семьи: либо они пока не хотят формировать семейные отношения (1%), либо ещё не задумываются над этим (0,4%). Среди них как раз больше носителей модусов «И» и «ИК».

Несмотря на то, что большая часть опрошенных планирует создать семью именно с людьми своей национальности, для представителей разных культурных модусов в аспекте достижения семейного благополучия признак национальности партнёра как раз обычно не играет особого значения. Подобным образом считают носители модусов «К» и «КИ» (в 52% случаев), «ИК» (в 65% случаев) и «И» (в 71% случаев). Представители «К-культуры» чаще остальных (в 42% случаев) говорят об

одинаковом уровне образования супругов как о залоге семейного счастья, но сами реже выделяют уровень образованности в процессе выбора партнёра для создания своей семьи. Представители «И-культуры» чаще остальных (в 33% случаев) считают, что счастливой семейной жизни сопутствует принадлежность супругов к одной вере, но сами редко выделяют это как приоритет для построения семейных отношений. Подобное несовпадение семейных планов и понятия о благополучной семейной жизни скорее говорит об общей несформированности соответствующих представлений у студентов.

Важно отметить, что воздействие культурных модусов на семейные планы является неоспоримым, однако оно не имеет значительной силы воздействия на процесс проектирования жизни в студенческой среде. Всё же большинство студентов вне зависимости от жизненных ценностей и культурных практик планируют в будущем создание семьи (разница заключается лишь в том, с кем именно они хотят создать соответствующие отношения).

Таблица 5

Распределение ответов носителей признаков отдельных культурных модусов на вопрос:
«Что Вы планируете делать после получения образования?» (в % от числа опрошенных)

Table 5

Distribution of answers from carriers of characteristics of individual cultural modes to the question:
“What do you plan to do after receiving your education?” (% of the number of respondents)

Вариант ответа	Всего в исследовании	Культурный модус			
		К	КИ	ИК	И
Останусь в своей стране	42,9	51,4	49,7	41,7	32,0
Уеду за рубеж	7,1	6,5	6,5	7,2	8,9
Все зависит от того, где смогу получить хорошую работу	32,9	25,8	28,1	33,9	39,3
Не знаю	17,1	16,3	15,7	17,2	19,8

Студенческая молодёжь намного реже строит чёткие планы в отношении миграционной активности после приобретения профессии. Только половина из них может точно сказать, останутся ли они на родине или уедут за рубеж по окончании обучения (Табл. 5). Довольно часто (в 43% случаев) речь не идёт о миграции за границу. Чаще свой отъезд за границу планируют студенты крупных университетских центров: Нижегородская область (20%), Республика Башкортостан (13%), Москва (11%). Хотя эта закономерность прослеживается не всегда, например, подобные планы характерны только для 2% молодёжи из Санкт-Петербурга. В Брянской, Кировской, Воронежской областях, республике Марий Эл и Красноярском крае о подобных намерениях заявляли менее 1% студентов.

С одной стороны, подобные умонастроения во многом связаны с выходом России из Болонского процесса, правила которого обеспечивали возможность образовательной мобильности (стажировки и продолжение обучения в вузах Европы). С другой стороны, на лицо связь с особенностями культуры населения. Так, среди тех, кто не планирует переезд за пределы страны, примерно 50% относится к носителям признаков модусов «К» и «КИ», а менее 42% – к «И» и «ИК».

Чаще всего студенты хотят эмигрировать в США (16%), Германию (14%) и Канаду (10%).

Реже речь идёт о переезде в страны, расположенные на территории бывшего СССР, – Грузию (1%), Беларусь, Казахстан, Армению (менее 1%). При этом предпочтение постсоветским государствам чаще отдают в своих планах представители «К-культуры». Так, среди них в Беларуси хотели бы жить и работать 9,5% опрошенных, а среди носителей модуса «И» – 0%. Последние больше выражают желание переехать в западные страны.

Для трети опрошенных также характерно откладывать процесс проектирования в отношении миграционных планов, поскольку им нужно осмыслить, какие условия им будут предложены со стороны отечественных и иностранных работодателей. Исходя из этого они будут делать свой выбор. В данном случае во всю силу работает идеология, выстроенная по формуле «родина там, где мне хорошо» [7]. Подобная точка зрения более характерна для носителей модусов «И» и «ИК», что обеспечивается высокой степенью индивидуализма. По оценкам учёных, формула «родина там, где мне хорошо» конструируется благодаря низкому уровню востребованности выпускников вузов на рынке труда по полученной специальности; невысокому размеру зарплат, предлагаемых молодым специалистам; туманным карьерным перспективам у работников, начинающих свою трудовую деятельность [45]. В то же время, по мнению бывшего председателя Комитета Совета Федерации РФ по вопро-

сам безопасности и обороны В.А. Озерова, распространение данного убеждения в молодёжной среде свидетельствует о признаках нравственного кризиса в культуре подрастающего поколения россиян³.

При этом миграционные планы студентов практически не связаны с их оценкой международной обстановки. Так, опрошенные (вне зависимости от принадлежности к культурным модусам) часто считают, что на мировой арене России следует развивать отношения с КНР (63%) и сокращать контакты с США (39%). В то же время в качестве страны для возможного переезда молодёжь чаще называет США, чем Китай.

Отметим, что миграционные планы, в отличие от намерений создать семью, всё же больше зависимы от принадлежности студентов к тому или иному культурному модусу. Представители модусов «И» и «ИК» в меньшей степени нацелены остаться в своей стране, чем представители модусов «К» и «КИ». Видится, что планам первых больше способствует не отсутствие патриотизма, а характерные для этих культурных типов утилитаризм, терпимое отношение к неопределённости, склонность к риску и жизненная мобильность.

Таким образом, разнообразие культурного пространства в студенческой среде в настоящее время в той или иной степени формирует разные по содержанию жизненные планы в направлениях выбора партнёра для создания семьи, а также проживания на территории своей страны или других стран.

Обсуждение результатов

Вывод о потенциально возможных последствиях распространения разных ценностей и практик для жизни молодёжи (в частности, её миграционной активности) наводит на размышления о возможностях управления культурными факторами. На

самом деле этот вопрос является не таким однозначным. По мнению Г. Хофстеде, в структуре культуры динамично могут меняться только культурные практики. В частности, целенаправленно можно сформировать общественное мнение, моду, стандарты, благодаря которым прежние ритуалы и рутины уже не будут выглядеть так однозначно. Жизненные ценности изменить гораздо сложнее, поскольку они не подвергаются целенаправленному внешнему воздействию, а связаны, главным образом, с процессом смены поколений [29]. В науке распространена теория «культурного лага», в рамках которой принято считать, что на трансформацию ценностного ряда может понадобиться промежуток от 20 до 30 лет [48]. Поэтому любые манипуляции с жизненными ценностями на «короткой дистанции» будут изначально неэффективными.

В нашей исследовательской модели в качестве культурных практик, на которые вполне можно оказывать формирующее воздействие, рассматриваются признаки дистанции власти. Эти признаки определяют действия, к которым люди обычно прибегают в разных жизненных ситуациях в рамках взаимодействия с авторитетами. Действительно, презрение авторитетов, нежелание подчиняться правилам, завышенные амбиции для молодёжи очень часто оборачиваются конфликтами с представителями старших поколений, особенно при выходе на рынок труда. Так, по данным социологических исследований, работодатели всё реже проявляют интерес к выпускникам образовательных организаций, которые только выходят на рынок труда после получения диплома, поскольку амбиции молодёжи оказываются завышенными, особенно в отношении оплаты труда (36%), а низкий уровень дисциплинированности приводит к частым ошибкам в работе (9%)⁴.

³ Новикова И. Родина там, где мне хорошо // Правда. URL: <https://www.pravda.ru/science/50800-patriot/> (дата обращения 11.06.2024).

⁴ Российские работодатели разочаровались в молодых специалистах // Lenta.Ru. URL: <https://lenta.ru/news/2017/08/22/headhanterissledovanie/> (дата обращения 11.06.2024).

Нам представляется, что государством и системой образования в частности могли бы быть предприняты меры по исправлению данной ситуации. Как минимум, можно приложить усилия к созданию новой модели ведения бизнеса как образца для трудового поведения молодёжи. В настоящее время в стране действует модель «рискованного бизнеса» [49]. Наблюдая за ней, молодые люди понимают, что для того, чтобы получить трудовой доход, не нужно иметь образование и компетенции, поскольку должного уровня благосостояния можно добиться максимально быстро, не формируя опыт и не прилагая особых усилий к достижению результата. Модель «социально ответственного бизнеса» (которая только начинает проникать в российскую действительность), наоборот, формирует осознание средств и методов, наиболее приемлемых в трудовой деятельности с точки зрения морали и нравственности. Для построения подобной модели, по мнению учёных, на первых порах необходимым является усиление консолидации общества и бизнес-сообщества, увеличение объёма инвестиций в человеческий капитал и на благотворительность [50]; усиление уровня информационной открытости компаний, внедрение способов взаимодействия власти и бизнеса на основе использования социального рейтингования, социального аудита, аккредитации социально ответственных предприятий [51].

С другой стороны, некоторые изменения могут быть предусмотрены и в образовательном процессе. В частности, стоит обратить внимание на дефицит в образовательных программах дисциплин, которые формируют знания об этических нормах и правилах морали. Так, А.Е. Шаститко справедливо отмечает, что экономические вузы часто игнорируют преподавание такого предмета как «Институциональная экономика» (который подаёт экономическую теорию с учётом тех порядков, которые формируют контрактные отношения и «общественный договор»), отдавая предпочтение классической политической экономии [52].

За пределами обсуждения остался вопрос о соответствии культурным модусам молодёжи тех правовых решений, которые в настоящее время активно формируются в рамках законотворческой деятельности в области молодёжной и образовательной политики (например, в рамках национальных проектов). Этот вопрос будет рассмотрен на следующих этапах исследования.

Заключение

В исследовании на основании теоретических посылов Г. Хофстеде и А.А. Аузана была предложена и апробирована авторская научная методика изучения культурных модусов населения. В рамках методики рассматривается теоретическая модель, которая включает в себя показатели оценки отдельных признаков бинарных оппозиций «К-культуры» и «И-культуры», а также алгоритм расчётов итогового индекса культуры и его интерпретации в категориях культурных модусов. В целом итоги апробации авторской методики на данных РОС можно считать удачными. Они частично указали на возможность дальнейшего применения схемы исследования для измерения культурных особенностей населения на более широкой выборке (молодое население и другие возрастные группы). Отметим, что набор индикаторов, предложенных автором в оценочной системе, на текущий момент определялся, главным образом, под особенности инструментария проекта «Культурное наследие и связь поколений». В принципе этот набор является гибким, его дальнейшее обсуждение в научном сообществе можно считать вполне целесообразным. В рамках развития темы исследования мы также отдельно остановимся на решении ряда методологических проблем оценки. Например, остался открытым вопрос, что делать с наблюдениями, которые не обладают признаками культурных модусов (в ходе измерений было выявлено лишь одно такое наблюдение).

Исходя из вторичного анализа социологических данных, можно сделать ряд важных выводов о культуре студенчества как со-

циальной общности, отражающей ценностные черты молодого поколения.

Во-первых, ситуацию, складывающуюся в духовной жизни молодёжи, можно охарактеризовать в терминах «многообразия культурного пространства». К подобному же выводу приходят специалисты НИУ ВШЭ [46]. В этом пространстве находят своё место как бинарные оппозиции, заложенные в «универсальных модусах» («К» и «И»), так и синтетические элементы «промежуточных модусов» («КИ» и «ИК»). В целом студенческую среду можно описать как сообщество, в культурном плане характеризующееся низкой дистанцией власти (ориентация на собственное мнение в процессе взаимодействия с людьми и выбора профессии), маскулинным типом ментальности (опора на критичность и принципиальность в принятии решений), отсутствием страха в отношении будущего, а также способностью достигать результата в экстремальных ситуациях. В отношении приоритета интересов у представителей молодого поколения развит индивидуализм (образец «И-культуры»), который парадоксальным образом совмещается с ценностями взаимопомощи (образец «К-культуры»). Как считают учёные, у современных студентов коллективизм проявляется в ценностях, а индивидуализм – в действиях [47].

Во-вторых, выявленное в исследовании многообразие, скорее всего, не будет формировать конфликт при выполнении социальных порядков (институций), поскольку бинарные оппозиции, обычно создающие этот конфликт в «многообразном культурном пространстве», в культуре студенчества проявляются реже остальных. В основном распространены промежуточные модусы, которые, благодаря синтезу различных культурных образцов, помогают лучше приспособиться к институциям (какими бы они по своей сути ни были).

В-третьих, для студенческой молодёжи характерно планировать своё будущее в направлении создания семьи, а также жизни и

работы на территории своей родины. Однако на примере социологических данных мы видим, что стремление молодого населения к выбору образцов «И-культуры» частично перераспределяет вектор проектирования на достижение иных задач, а точнее, на отказ от создания семьи или откладывание данного процесса во времени, на отъезд за рубеж при появлении более выгодных условий для жизни. При этом стремление создать семью у представителей молодого населения является наиболее устойчивым (менее 2% среди опрошенных имеют противоположные планы). Более подвержены влиянию культурных модусов как раз миграционные планы. С нашей точки зрения, нестабильность мировоззрения студентов в отношении планов на миграцию после получения профессии (только 50% точно определились с этим вопросом) в настоящее время требует особого внимания, поскольку это явление содержит значительный риск «утечки мозгов». Результаты исследования могут быть использованы в рамках доработки проекта «Стратегии молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», обсуждение которого активно проводится в государственных и общественных кругах.

Литература

1. Тимошук А.С. Традиционная культура: сущность и существование. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2018. 431 с. URL: <http://www.elcom.ru/~human/disdoct.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).
2. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Молодёжь в дискурсе современных социологических исследований: региональный аспект // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 24 (1). С. 154–174. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174
3. Оситова А.Б. Ценности студенческой молодёжи: по результатам социологического исследования // Перспективы развития высшей школы. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2020. С. 255–259. EDN: WTVTJS.
4. Гридина В.В., Петинцова Т.М. Национальная идентичность молодёжи как фактор со-

- хранения культурных традиций в условиях многонационального общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1 (234). С. 68–78. EDN: CNBZGX.
5. *Рожкова А.В.* Динамика ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи // Актуальные проблемы социологии молодёжи, культуры, образования и управления. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 141–143. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/29618> (дата обращения: 11.06.2024).
 6. *Яшина А.И.* Ценностные ориентации студенческой молодёжи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (65). С. 117–121. DOI: 10.26105/SSPU.2020.65.2.019
 7. *Касенова Г.К.* Социальные ценности студенческой молодёжи // Инновационный потенциал молодёжи: культура, духовность и нравственность. Екатеринбург: УРФУ, 2019. С. 163–168. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/83603> (дата обращения: 11.06.2024).
 8. *Константинова А.В., Петров А.М., Штыхно Д.А.* Переосмысление подходов к уровневой системе высшего образования в России в условиях выхода из Болонского процесса // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 2. С. 9–24. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-9-24
 9. *Яковлева Т.А., Юхлин Р.* «Утечка умов» в условиях глобализации: риски для России // Современные наукоёмкие технологии. 2014. № 7-3. С. 63–64. EDN: SBCZAN.
 10. *Луценко Н.О.* Последствия присоединения России к Болонской системе в условиях современного политико-экономического кризиса // Вестник МГОУ. 2018. № 1. С. 90–102. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-1-860
 11. *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Утечка умов из России: причины и масштабы // Российский химический журнал. 2007. № 3. С. 108–115. EDN: IAMIFV.
 12. *Магомедов П.А.* Изучение представлений о семейных отношениях студенческой молодёжи // Мир науки, культуры и образования. 2017. № 6 (67). С. 373–375. EDN: YKWL MJ.
 13. *Григорьева Н.С.* Жизненные планы студенческой молодёжи: семья versus карьера // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 5 (102). С. 156–165. DOI: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-156-165
 14. *Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В.* Отношение студенческой молодёжи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. № 20 (5). С. 125–141. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141.
 15. *Короленко А.В.* Брачно-семейная структура: состояние и тенденции в итогах переписей населения России // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 2. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.4
 16. *Антонов Г.В., Лапо В.Ф.* Кризис института брака в современной России: реальность или вымысел? // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 21–31. DOI: 10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31
 17. *Комова Е.А., Южакова О.В.* Социокультурные причины бездуховности современной молодёжи // Россия XXI века: проблемы, противоречия и перспективы обновления (60-летию Великой Победы посвящается). Екатеринбург: РГППУ, 2005. С. 176–179. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19457/1/rXXIV_2005_056.pdf (дата обращения: 11.06.2024).
 18. *Spinoza B.* Ethics. London: Penguin Books, 2005. 134 p. ISBN: 0140435719. (In Russ.).
 19. *Fromm E.* To Have or to Be. London: Bloomsbury Academic, 2013. 183 p. ISBN: 978-1-7809-3680-2.
 20. *Шипулина Н.Б., Щеглова А.В., Шипицын А.И., Плужникова Н.Н., Елистратова Е.А.* Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода. Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. 166 с. ISBN: 978-5-7786-0632-6.
 21. *Павелко Н.Н.* Культурный модус личности в информационной культурологии: психологические аспекты // Вестник ИМСИТА. 2017. № 3 (71). С. 45–50. EDN: ZQSYUV.
 22. *Конев В.А.* Модусы субъективности в культуре // Вестник СамГУ. 2014. № 1 (112). С. 9–14. EDN: RZCEBF.
 23. *Шарковская Н.В.* Модусы глобализации в социально-культурной деятельности: антропологический аспект // Вестник МГУКИ. 2019. № 5 (91). С. 102–110. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10512
 24. *Хоружая С.В.* Смысловая сфера культуры в контексте кризисных и деградационных про-

- цессов // Кубанские исторические чтения. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2012. С. 249–254. EDN: VCZTGL.
25. *Балл Г.А., Мединцев В.А.* Модусы культуры в структуре психологических воздействий // Горизонты образования. 2014. № 3 (42). С. 32–36. URL: <http://georgyball.com/549.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).
 26. *Афанасьев С.В.* Информационный субстрат информационной культуры: субстратно-атрибутивная модель // Философия и культура. 2018. № 1. С. 71–88. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.1.23916
 27. *Баркова В.В., Сидорова У.В.* Метафизика присутствия: модусы бытия культуры // Наука ЮУрГУ. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2017. С. 168–173. URL: https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_CONF&key=000556211&dtype=F&etype=.pdf (дата обращения: 11.06.2024).
 28. *Сухина И.Г.* К вопросу об аксиологии культуры: культура и её модальности в системе ценностного отношения человека к действительности (философско-антропологический ракурс проблемы) // *Juvenis scientia*. 2016. № 2. С. 75–79. EDN: VTZZQD.
 29. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGraw-Hill U.K., 2010. 561 p. ISBN: 978-0-07-177015-6
 30. *Spencer-Oatey H., Franklin P.* Unpacking Culture // *Intercultural Interaction. Research and Practice in Applied Linguistics*. London: Palgrave Macmillan, 2009. DOI: 10.1057/9780230244511_2
 31. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN: 9785983791442.
 32. *Лапин Н.И.* Универсальные ценности и многообразие жизненных миров людей // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: становление глобальной культуры: СПб: СПбГУП, 2010. С. 105–107. EDN: QGWYIN.
 33. *Мейер Э.* Карта культурных различий. Как люди думают, руководят и добиваются целей в международной среде. М.: Библос, 2014. 171 с. ISBN: 978-5-905641-56-5.
 34. *Мкоян Г.С., Головчин М.А.* Традиционная и новая культура на постсоветском пространстве: синтез или сосуществование? // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 105–119. DOI: 10.17223/22220836/47/9
 35. *Аузан А.А.* Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 160 с. ISBN: 978-5-17-148122-3.
 36. *Маслова С.В., Усова А.В.* Бинарные оппозиции в современном массовом сознании // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 152–155. EDN: TИHHQR
 37. *Mkoyan G.S., Golovchin M.A.* Heuristic Potential of Concepts by G. Hofstede and A.A. Auzan for Studying Binarity of Culture in Armenia and Russia // *Logos et Praxis*. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 29–41. DOI: 10.15688/lp.jvolu.2024.1.4
 38. *Большаков В.П.* Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГИК. 2016. № 2 (27). С. 16–22. EDN: WBLVBD.
 39. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2020. 646 с. ISBN: 978-5-98704-500-8.
 40. *Berger P.L., Luckmann T.* From the social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge // *The New Economic Sociology: A Reader*. Princeton University Press, 2004. pp. 496–517. ISBN 9780691049069.
 41. *Шакирова Е.С.* Антиценности современного российского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4 (36). С. 165–170. DOI: 10.24151/2409-1073-2022-4-165-170
 42. *Инишаков О.В.* Институтация и институт: проблемы категориальной дифференциации и интеграции // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 26–38. EDN: MVXWEN.
 43. *Дулина Н.В., Засыткин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Шифокалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С.* Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151–154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014
 44. *Бахрах Д.Н., Барabanова С.В.* Правовой статус студента в Российской Федерации // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 3. С. 95–99. EDN: HTNLSB.
 45. *Шайхисламов Р.Б.* Родина в «Мы-концепции» молодого поколения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика.

- ка. Политика. 2021. № 2. С. 116–130. DOI: 10.31660/1993-1824-2021-2-116-130
46. Молодёжь в городе: культуры, сцены и солидарности / под ред. Е.А. Омельченко. М.: Высшая школа экономики, 2020. 502 с. ISBN: 978-5-7598-2128-1.
 47. Пищик В.И., Жолдасов Д.С. Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 1. С. 1–12. EDN: RDFYSI.
 48. Ефременко Д.В. Уильям Огборн и идея культурного лага. К столетию гипотезы // Философия науки и техники. 2022. №2. С. 58–71. DOI: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-58-71
 49. Алексеева Д.Г. Рискованная бизнес-модель как основание для привлечения контролирующих кредитную организацию лиц к возмещению убытков // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 2. С. 248–252. EDN: FDIDYX.
 50. Еронкевич Н.Н. Факторы развития и модель формирования социально-ответственного бизнеса в системе менеджмента современного предприятия // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 12. С. 5297–5308. DOI: 10.18334/epp.13.12.120214.
 51. Курьянова С.С. Региональный профиль социально-ответственного бизнеса // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 16. С. 110–115. EDN: PBOOUZ.
 52. Шаститко А.Е. Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 137–153. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-137-153

Статья поступила в редакцию 24.04.2024

Принята к публикации 23.05.2024

References

1. Timoshchuk, A.S. (2018). *Traditsionnaya kul'tura: sushchnost' i sushchestvovaniye* [Traditional Culture: Essence and Existence]. Vladimir, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Available at: <http://www.elcom.ru/~human/disdoct.pdf> (accessed: 11.06.2024). (In Russ.).
2. Leonidova, G.V., Golovchin, M.A. (2018). Youth in the Discourse of Modern Sociological Research: Regional Aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. No. 24 (1), pp. 154-174, doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Osipova, L.B. (2020). Values of Student Youth: According to the Results of Sociological Research. *Perspektivy razvitiya vysshey shkoly = Prospects for the Development of Higher Education*. Tyumen: Tyumen Industrial University, pp. 255-259. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44079539_91191384.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
4. Gridina, V.V., Petinova, T.M. (2019). National Identity of Youth as a Factor in Preserving Cultural Traditions in a Multinational Society. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Regionovedeniye": filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies"*. No. 1 (234), pp. 68-78. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_38503154_63787362.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
5. Rozhkova, L.V. (2014). Dynamics of Value Orientations of Modern Student Youth. *Aktual'nyye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya* [Current Problems of Sociology of Youth, Culture, Education and Management]. Ekaterinburg: UrFU, pp. 141-143. Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/29618> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
6. Yashina, L.I. (2020). Value Orientations of Student Youth. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. No. 2 (65), pp. 117-121, doi: 10.26105/SSPU.2020.65.2.019 (In Russ., abstract in Eng.).

7. Kasenova, G.K. (2019). Social Values of Student Youth. *Innovatsionnyy potentsial molodezbi: kul'tura, dukhovnost' i nraustvennost'* [Innovative Potential of Youth: Culture, Spirituality and Morality]. Ekaterinburg, URFU, pp.163-168. Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/83603> (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
8. Konstantinova, L.V., Petrov, A.M., Shtykhno, D.A. (2023). Rethinking Approaches to the Level System of Higher Education in Russia in the Conditions of Exit From the Bologna Process. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. Vol. 32, no. 2, pp. 9-24, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-9-24 (In Russ., abstract in Eng.).
9. Yakovleva, T.A., Yukhlin, R. (2014). "Brain Drain" in the Context of Globalization: Risks for Russia. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii = Modern high technologies*. No.7-3, pp.63-64. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21437381_18623940.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
10. Lutsenko, N.O. (2018). Consequences of Russia's Accession to the Bologna System in the Conditions of the Modern Political and Economic Crisis. *Vestnik MGOU = Bulletin of the Moscow State Regional University*. No. 1, pp. 90-102, doi: 10.18384/2224-0209-2018-1-860 (In Russ.).
11. Agamova, N.S., Allahverdyan, A.G. (2007). Brain Drain from Russia: Causes and Scale. *Rossiyskiy khimicheskii zhurnal = Russian Chemical Journal*. No. 3, pp. 108-115. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9526748> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
12. Magomedov, P.A. (2017). Studying Ideas about Family Relationships Among Student Youth. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*. No. 6 (67), pp. 373-375. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32235246_46622598.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
13. Grigorieva, N.S. (2020). Life Plans of Student Youth: Family Versus Career. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obschestvennyye nauki = Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. No. 5 (102), pp. 156-165, doi: 10.22204/2587-8956-2020-102-05-156-165 (In Russ., abstract in Eng.).
14. Vishnevsky, Yu.R., Yachmeneva, M.V. (2018). Attitude of Student Youth to Family Values (on the Example of the Sverdlovsk Region). *Obrazovaniye i nauka = The Education and Science Journal*. No. 20 (5), pp. 125-141, doi: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141 (In Russ., abstract in Eng.).
15. Korolenko, A.V. (2023). Marriage and Family Structure: State and Trends in the Results of Population Censuses of Russia. *Sotsial'noye prostranstvo = Social Space Journal*. No. 9 (2), doi: 10.15838/sa.2023.2.38.4 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Antonov, G.V., Lapo, V.F. (2015). The Crisis of the Institution of Marriage in Modern Russia: Reality or Fiction? *Voprosy statistiki = Questions of Statistics*. No.7, pp.21-31, doi: 10.34023/2313-6383-2015-0-7-21-31 (In Russ., abstract in Eng.).
17. Komova, E.A., Yuzhakova, O.V. (2005). Sociocultural Reasons for the Lack of Spirituality of Modern Youth. *Rossiya XXI veka: problemy, protivorechiya i perspektivy obnoveniya (60-letiyu Velikoy Pobedy posvyashchayetsya)* [Russia of the XXI century: problems, contradictions and prospects for renewal (dedicated to the 60th anniversary of the Great Victory)]. Ekaterinburg, RGPPU, pp. 176-179. Available at: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/19457/1/rXXIv_2005_056.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
18. Spinoza, B. (2005). *Ethics*. London, Penguin Books. 134 p. ISBN: 0140435719.
19. Fromm, E. (2013). *To Have or to Be?* London, Bloomsbury Academic. 183 p. ISBN: 978-1-7809-3680-2.
20. Shipulina, N.B., Shcheglova, L.V., Shipitsin, A.I., Pluzhnikova, N.N., Elistratova, E.A. (2016). *Antropologiya veshchi v gorodskoy kul'ture: kontseptual'nyye osnovy i poisk metoda* [Anthro-

- polology of Things in Urban Culture: Conceptual Foundations and Search for a Method]. Volgograd: Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RANEPA. (In Russ.).
21. Pavelko, N.N. (2017). Cultural Mode of Personality in Informational Cultural Studies: Psychological Aspects. *Vestnik IM-SIT = Bulletin of IMSIT*. No. 3 (71), pp. 45-50. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30467915_45344064.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 22. Konev, V.A. (2014). Moduses of Subjectivity in Culture. *Vestnik SamGU = Bulletin of Samara State University*. No. 1 (112), pp. 9-14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21344568_81622292.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 23. Sharkovskaya, N.V. (2019). Moduses of Globalization in Socio-Cultural Activities: Anthropological Aspect. *Vestnik MGUKI [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]*. No. 5 (91), pp. 102-110, doi: 10.24411/1997-0803-2019-10512 (In Russ.).
 24. Khoruzhaya, S.V. (2012). The Semantic Sphere of Culture in the Context of Crisis and Degradation Processes. *Kubanskiye istoricheskiye chteniya [Kuban Historical Readings]*. Krasnodar: Krasnodar Center for Scientific and Technical Information, pp. 249-254. (In Russ.).
 25. Ball, G.A., Medintsev, V.A. (2014). Moduses of Culture in the Structure of Psychological Influences. *Gorizonty obrazovaniya = Education Horizons*. No. 3 (42), pp. 32-36. Available at: <http://georgyball.com/549.pdf> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
 26. Afanasyev, S.V. (2018). Information Substrate of Information Culture: Substrate-Attributive Model. *Filosofiya i kul'tura = Journal of Philosophy and Culture*. No. 1, pp. 71-88, doi: 10.7256/2454-0757.2018.1.23916 (In Russ., abstract in Eng.).
 27. Barkova, V.V., Sidorova, U.V. (2017). Metaphysics of Presence: Modes of Being of Culture. *Nauka YUUrGU [Science of SUSU]*. Chelyabinsk: SUSU, pp. 168-173. Available at: https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_KONF&key=000556211&dtype=F&etype=.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 28. Sukhina, I.G. (2016). On the Issue of the Axiology of Culture: Culture and Its Modalities in the System of a Person's Value Relationship to Reality (Philosophical and Anthropological Perspective of the Problem). *Juvenis scientia*. No. 2, pp. 75-79. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25864816_47962930.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 29. Hofstede, G. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill U.K. ISBN: 978-0-07-177015-6.
 30. Spencer-Oatey, H., Franklin, P. (2009). Unpacking Culture. *Intercultural Interaction. Research and Practice in Applied Linguistics*. London: Palgrave Macmillan, doi: 10.1057/9780230244511_2
 31. Inglehart, R., Welzel, K. (2011). *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Changes and Democracy: The Sequence of Human Development]*. Moscow, New Publishing House. ISBN: 9785983791442. (In Russ.).
 32. Lapin, N. I. (2010). Universal Values and the Diversity of People's Life Worlds. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovleniye global'noy kul'tury [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: The Formation of a Global Culture]*. St. Petersburg: St. Petersburg State Unitary Enterprise, pp. 105-107. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19324699> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
 33. Meyer, E. (2014). Map of Cultural Differences. How People Think, Lead and Achieve Goals In an International Environment. Moscow: Byblos. ISBN: 978-5-905641-56-5 (In Russ.).
 34. Mkoyan, G.S., Golovchin, M.A. (2022). Traditional and New Culture in the Post-Soviet Space: Synthesis or Coexistence? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya*

- i iskusstvovedeniye* = *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. No. 47, pp. 105–119, doi: 10.17223/22220836/47/9 (In Russ.).
35. Auzan, A.A. (2022). *Kul'turnyye kody ekonomiki: kak tsennosti vliyayut na konkurentsiyu, demokratiyu i blagosostoyaniye naroda* [Cultural Codes of the Economy: How Values Influence Competition, Democracy and the Well-Being of the People]. Moscow, AST. ISBN: 978-5-17-148122-3 (In Russ.).
 36. Maslova, S.V., Usova, A.V. (2014). Binary Oppositions in Modern Mass Consciousness. *Vestnik nauki Sibiri* = *Siberian Journal of Science*. No. 4 (14), pp. 152–155. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22953015> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
 37. Mkoyan, G.S., Golovchin, M.A. (2024). Heuristic Potential of Concepts by G. Hofstede and A.A. Auzan for Studying Binarity of Culture in Armenia and Russia. *Logos et Praxis*. No. 23 (1), pp. 29–41, doi: 10.15688/lp.jvolsu.2024.1.4
 38. Bolshakov, V.P. (2016). Cultural Practices in the Processes of Development of Culture. *Vyestnik SPbGIK* [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Cinematography]. No. 2 (27), pp. 16–22. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26205481_40191476.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 39. Sztompka, P. (2002). *Socjologia. Analiza spo ecze stwa*. Krakow, Wydawnictwo Znak, 653 p. (Russian translation by S.M. Chervonnaya: Moscow : Logos, 2020, 646 p.).
 40. Berger, P.L., Luckmann, T. (2004). From the social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. In the: *The New Economic Sociology: A Reader*. Princeton University Press, pp. 496–517. ISBN: 9780691049069.
 41. Shakirova, E.S. (2022). Anti-values of Modern Russian Society. *Ekonomicheskkiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya* = *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. No. 4 (36), pp. 165–170, doi: 10.24151/2409-1073-2022-4-165-170 (In Russ.).
 42. Inshakov, O.V. (2010). Institution and Institute: Problems of Categorical Differentiation and Integration. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic Science of Modern Russia]. No. 3(50), pp. 26–38. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15259224_11006295.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
 43. Dulina, N.V., Zasyepkin, V.P., Mansurov, V.A., Pronina, E.I., Shirokalova, G.S., Shkurin, D.V., Yuryev, P.S. (2022). Cultural Traditions and Connections Between Generations (Information about the Scientific Project). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. No. 5 (80), pp. 151–154, doi: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014 (In Russ.).
 44. Bakhrakh, D.N., Barabanova, S.V. (2003). Legal Status of a Student in the Russian Federation. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz* = *University Management: Practice and Analysis*. No. 3, pp. 95–99. (In Russ., abstract in Eng.).
 45. Shaikhislamov, R.B. (2021). Homeland in the “We-concept” of the Young Generation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika.* = *Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy*. No. 2, pp. 116–130, doi: 10.31660/1993-1824-2021-2-116-130 (In Russ., abstract in Eng.).
 46. Omel'chenko, Ye. L. (2020). *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity*. Moscow, Higher School of Economics. ISBN: 978-5-7598-2128-1. (In Russ.).
 47. Pishchik, V.I., Zholdasov, D.S. (2024). Trends of Collectivism and Individualism in the Mentality of Representatives of Young Generations. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* = *World of Science. Pedagogy and psychology*. No. 12 (1), pp. 1–12. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67318436_95995156.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).

48. Efremenko, D.V. (2022). William Ogborn and the Idea of Cultural Lag. To the Centenary of the Hypothesis. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*. No. 2, pp. 58-71, doi: 10.21146/2413-9084-2022-27-2-58-71 (In Russ., abstract in Eng.).
49. Alekseeva, D.G. (2020). Risky Business Model as Credit Organization to Compensation for Losses. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice]. No. 2, pp. 248-252. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42848731_21201608.pdf (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
50. Eronkevich, N.N. (2023). Development Factors and Model for the Formation of Socially Responsible Business in the Management System of a Modern Enterprise. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. No. 13 (12), pp. 5297-5308, doi: 10.18334/epp.13.12.120214 (In Russ., abstract in Eng.).
51. Kuryanova, S.S. (2012). Regional Profile of Socially Responsible Business. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. No. 13 (16), pp. 110-115. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17893369> (accessed 11.06.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
52. Shastitko, A.E. (2024). Economic Education as a Mirror of Intradisciplinary Discourse. *Voprosy ekonomiki = Journal of Economic Issues*, No. 1, pp. 137-153, doi: 10.32609/0042-8736-2024-1-137-153 (In Russ., abstract in Eng.).

The paper was submitted 24.04.2024

Accepted for publication 23.05.2024

**Пятилетний импакт-фактор
РИНЦ-2022, без самоцитирования**

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	3,686
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,668
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,415
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	2,302
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	1,678
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1,544
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,329
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,623
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,609
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,470
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	0,229
ПЕДАГОГИКА	0,005